

Crème de la Crème

Пол Боулз

ЗНАКИ ВО ВРЕМЕНИ

МАРОККАНСКИЕ ИСТОРИИ

Перевод Валерия Нугатова

ББК 84 (4 ВЕЛ)

Paul Bowles
**Points in Time:
Tales from Morocco**

Перевод Валерия Нугатова

Редактор: Дмитрий Волчек
Оригинал-макет и верстка: Сергей Фёдоров
Обложка: Елена Иванникова
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

© Paul Bowles, 1982
© Kolonna Publications, 2010
© В. Нугатов, перевод, 2010

ISBN 978-5

За полдня путешественники добрались до большо- 7
го озера или болота. Сейчас его больше нет – лагуны
остались лишь на севере мыса. На юге берег защищают
утесы, отвесные скалы, каменистые и песчаные пляжи.

От озера не осталось и следа, и даже после зим-
них проливных дождей, когда пересохшие реки вдруг
с ревом выходят из берегов, этот разлив не примешь
ни за болото, ни за озеро.

8 И приснился ему парящий сокол. Знак, сказали прочие. И отправились они в Асану, и у ворот города слепец поднял руку и молвил:

Остерегайтесь ветра, что дует над местом сим. Вы слышите барабаны, но это барабаны не нашего народа, и не его руки стучат по шкурам.

Он увидел лицо слепца и вспомнил сокола. За стенами, в высоких полуденных небесах, белели суровые горы.

И не вошли они в Асану, но повернули на юг, пересекли голую равнину и добрались до берега реки.

Асана была разрушена. Лишь пыль лежала там.

Другая дорога вела из Толокосиды в Тингис. Название 9
первого места сомнительно. Возможно, это была Мгила
или Зархун, но уж точно ни Амерго, ни Ксар Фараун.
Камни Толокосиды – там, в тени скал.

10 Мавританский султан (который потерпел у Сьерра-Морены столь сокрушительное поражение от испанцев, что победители несколько дней жгли костры из пик, копий и стрел павших врагов) с величайшим достоинством отвечал полонившим его, что недавно прочитал Послания апостола Павла. Монарх так восхитился ими, что, доведись ему выбирать иную веру, он остановился бы на христианстве.

Назарей мыслят, как малые дети, но султан считал, что каждый человек должен умирать с той религией, с которой родился. (Хотя этого, наверное, не понять объедающимся свининой.) Единственный недостаток Павла в том, что он отрекся от иудейства, с улыбкой добавил монарх.

Старое кладбище у гротов разграбили. К великому нашему горю, его распахали. И мы клянемся семьёю *сефарим* и семьёю небесами, двенадцатью косулями, хлебом и солью, Именем и жертвой, что справедливость возторжествует.

Немногие помнят то лето. Солнце опаляло своим дыханием все, к чему прикасалось. Никто не выходил, ибо в нижнем городе свирепствовал тиф.

Говорят, у него был огороженный сад, где он бродил на закате. Он словно сидел в тюрьме, оставаясь при этом на воле, и выдумывал на досуге различные беды, ополчавшиеся на него изнутри. «Рухнет ли столп Закона? Рассыплется ли Храм? Осквернят ли и растопчут Мишну?» Да пребудут его жребий и участь с семью сонмами праведников.

Никто не вышел. Мы ждали в своих темных комнатах, вздрагивая при каждом вздохе ветра, плескавшего шторами. Да починут в Эдеме истребленные тифом, и да обретут они покой под Древом Жизни.

II

- 12 Путешествуя по Португалии, Фра Андреа из Сполето повстречал человека, к которому испытал большую симпатию, и человек этот оказался мусульманином. Прежде Фра Андреа не знал людей, исповедовавших эту веру, поскольку никто из них не бывал в его францисканском монастыре, но после часовой беседы с марокканцем монах изумился, что он не только прекрасно знаком с христианским учением, но даже согласен с некоторыми его догматами.

Они часто виделись в тот год. Между ними завязалась дружба, и Си Муса задумал пригласить Фра Андреа в Фес, дабы открыть там небольшую францисканскую миссию. Поначалу монах счел эту мысль химерой. Но затем Си Муса обронил, что его жена приходится сестрой королю Мохаммеду VIII, который в те времена правил Марокко из Феса.

Ты же знаешь, его величеству однажды представилась удобная возможность изучить христианские труды, заметил Си Муса, криво улыбнувшись. Фра Андреа кивнул, догадавшись, что друг намекает на долгий португальский плен невезучего короля.

Как тебе известно, одиночество и ученые занятия склоняют к веротерпимости, продолжил мусульманин. Он с удовольствием принял бы тебя и твоих друзей в Фесе, дабы народ мог воочию убедиться, что не все неверные – варвары.

Тут Фра Андреа расхохотался. Си Муса вежливо улыбнулся, не понимая причины его веселья. Именно эта откровенность марокканца и умилила монаха, она-то без сомнения и убедила его принять столь фантастическое предложение.

Три года спустя Фра Андреа прибыл в Фес вместе с Фра Антонио и Фра Джакомо – тоже францисканцами, которые сочли своим долгом поехать с ним, дабы походатайствовать о христианских заложниках, взятых ради выкупа. А Фра Андреа предвкушал религиозные дискуссии с мусульманскими интеллектуалами: Си Муса снабдил его рекомендательными письмами к некоторым из них. 13

Поездка не задалась с самого начала. Когда Фра Андреа попытался найти знакомых Си Мусы, выяснилось, что все они непостижимым образом исчезли из Феса. Старого дворца, который, по заверениям друга, должны были предоставить в его распоряжение, тоже не оказалось на месте – рядом с *фондуком* Неджарин. Даже при одном упоминании Си Мусы люди враждебно косились.

Вскоре Фра Андреа узнал, в чем причина. Пока они собирались в Фес, короновали нового монарха – Ахмеда III. Монахи выслушали эту новость с безучастными лицами, однако, угрюмо посоветовавшись, согласились, что она не предвещает ничего хорошего.

Им предложили поискать дом в Фес-Джедиде, где на иноземцев смотрели с меньшей неприязнью, нежели в медине. И они нашли дом неподалеку от входа в меллах. Всего три небольших комнатки, но зато с патио, которое они вскоре заставили растениями в горшках.

Фра Антонио и Фра Джакомо быстро привыкли к оседлости в новом жилище. Казалось, они вполне до-

вольны этим мрачным домишком. Но Фра Андреа нервничал, ведь он рассчитывал проводить долгие часы в беседах с новыми друзьями.

14 Пару раз выбравшись в медину, он убедился, что лучше держаться от нее подальше. Так он полюбил бродить по меллаху; тут, правда, на него пялились столь же враждебно, как и в медине, но зато евреев он не опасался. Монах не верил, что те могут на него напасть, хотя евреи, наверное, затаили злобу на его церковь за недавнее изгнание из Испании. Фра Андреа считал, что их враждебность мотивирована лишь политически, тогда как ненависть, с которой он сталкивался в медине, имела более глубокие корни. Он мог свободно гулять по улочкам меллаха, прислушиваясь к испанской речи прохожих.

Как-то вечером францисканец стоял, прислонившись к стене, и наслаждался обрывками семейных бесед, доносившимися из домов. Осанистый господин подошел вдоль по проулку, посмотрел на него и пожелал доброго вечера. Смущенный тем, что его застали врасплох, Фра Андреа кратко ответил на приветствие и зашагал прочь.

Но незнакомец заговорил вновь и указал на дверь. Он добавил, что это его дом, и пригласил войти. Лишь только очутившись в освещенной комнате, монах увидел, что хозяин – раввин.

Так Фра Андреа познакомился с рабби Харуном бен Хаму и стал регулярно его навещать. Он наконец нашел марокканца, с которым можно говорить на религиозные и метафизические темы. Рабби Харун бен Хаму был чрезвычайно учтив и охотно вступал в серьезную беседу, но Фра Андреа понял, что, прежде чем высказывать свое мнение об иудейском законе, необходимо внима-

тельно изучить Талмуд. Он читал по складам на древнееврейском, и эти небольшие познания, приобретенные еще в юности, теперь оказались как нельзя кстати.

Больше года посвятил он усердной учебе. Он исписал заметками целую книгу и заучил назубок Мишну. Тем временем он постоянно ходил к раввину, который в конце концов познакомил его с двумя другими – рабби Иудой ибн Дананом и рабби Шимоном Сакали. 15 Фра Андреа заметил, что обоим претит присутствие безмолвного христианского монаха, и это вызвало у него жгучее желание их поразить. Трудно было усидеть молча – не терпелось обсудить с ними их религию, но Фра Андреа верил, что однажды сможет выйти на арену богословского спора во всеоружии, и пока придерживал язык.

Наконец решив для себя, что изучил Закон не хуже и, возможно, понимает его отношение к исламу и христианству даже лучше, чем они, Фра Андреа отважился выступить в следующий раз, когда они сошлись вместе.

Как он и рассчитывал, они выслушали его с недоверием и изумлением. Раввины медленно кивали, озадаченные странной метаморфозой. Например, он отметил, что Галаха не имеет никакого отношения к Богу и что даже в аггадических Мидрашим ничего не сказано о природе Божества.

Рабби Шимон Сакали оцепенел. В каждой фразе заключено бесчисленное множество значений, сказал он.

А бесчисленное множество значений равносильно полному отсутствию смысла! – воскликнул Фра Андреа. Но затем, увидев лица трех раввинов, решил перевести все в шутку и рассмеялся, но это лишь повергло их в недоумение.

Полемика продолжилась, и Фра Андреа страшно захотелось их смутить, ткнуть носом в их же противоречия. Он много лет упражнялся в искусстве богословских диспутов и хорошо натренировал память. Он мог вспомнить дословно все, что говорил каждый собеседник, и повторял аргументы, глядя на того, кто их впервые привел.

16 Даже рабби Харун бен Хаму удивился – не внезапно проявившейся эрудиции своего друга, а, скорее, его мастерскому владению логикой. Фра Андреа напугал рабби Шимона и рабби Иуду: едва он ушел, они сказали об этом хозяину. Никогда еще так их не унижали и так над ними не глумились, заявили они.

Рабби Харун, слегка ревновавший своего иноземного друга, попытался их урезонить. Христианин не хотел вас обидеть, сказал он. Он ведь не из наших.

Они промолчали, а он добавил: блестящий ум.

Да уж, сверхъестественный, сказал рабби Иуда.

В тот вечер Фра Андреа побрел домой очень довольный впечатлением, произведенным на слушателей. Как ни странно, рабби Харун бен Хаму и впредь приглашал двух раввинов с монахом, и все четверо встречались за его столом. После той первой бестактности Фра Андреа старался не высказывать личных суждений о Талмуде. Дискуссии ограничивались христианской теологией. Своим дьявольским умом и острым языком Фра Андреа неизменно затыкал собеседников. Рабби Харуну бен Хаму очень льстило, что эти пламенные речи звучат в его собственном доме. Мало-помалу он стал принимать многие суждения монаха. Два других раввина с опасением заметили его растущую склонность соглашаться с христианином в мелочах. Оба встревожились и обсудили это с глазу на глаз.

Как-то вечером они сидели за столом рабби Харуна бен Хаму, и Фра Андреа вскользь назвал Таргумим призывительной и непростительно вульгарной экзегезой. Рабби Иуда стукнул кулаком по столу, но этот предупредительный жест ускользнул от внимания Фра Андреа.

Взять, например, Таргум и Мегиллот, продолжал он, это же несусветная чепуха. Как можно верить в подобные нелепости?

17

Затем он со вкусом разбил в пух и прах второй Таргум Эсфири, не замечая восковой бледности на лицах рабби Иуды и рабби Шимона.

Вдруг рабби Иуда опустил ладонь на руку рабби Шимона. Оба, как по команде, встали и вышли из дома. Фра Андреа осекся и повернулся к рабби Харуну за объяснением. Но хозяин смотрел прямо перед собой, и на его лице сомнение сменилось ужасом.

Фра Андреа обождал. Рабби Харун медленно поднял голову и, словно с мольбой, указал на дверь. Извольте, сказал он.

Он не встал из-за стола, когда гость вышел. Раввин понял: двое других пришли к выводу, что монах – в сговоре с Сатаной. И хотя рабби Харун бен Хаму был довольно ученым человеком, такая возможность не казалась ему совсем уж невероятной. Он решил, что никогда в жизни не увидится больше с христианином.

Впрочем, в таком решении не было никакой надобности. Два дня спустя вся знать и все старейшины меллаха (кроме рабби Харуна бен Хаму – коллеги сочли, что он уже осквернен силами зла) подошли с процессией ко дворцу. Они выступили против присутствия в Фесе иноземного чародея, посланного, дабы сеять раздор среди их народа. Они также обвинили Фра Андреа в «заговоре и занятиях магией».

Мусульмане, обрадовавшись, что появился предлог избавить город от незваного христианина, согласились на его арест.

Фра Андреа не дали возможности оправдаться, и сразу же бросили его в темницу, где пытали несколько часов кряду. В конце кто-то проткнул его копьем.

III

Армада лежала под водой, а земля Испании была свер- 19
ху – верблюжье-шафрановая.

Шубилия, Гарнатта, Кортоба, Магерит, павшие под бременем лет, поминались в сумерках фесскими изгнанниками.

Затем Ахмед IV, император Марокко, сообщил Карлу I о своей (иллюзорной) победе над пиратами Сла и намекнул на необходимость британской помощи в борьбе с алжирскими и тунисскими.

Мориски Андалусии шли на любые уступки, смирялись с любыми оскорблениями – даже крестились, прилюдно ели репу и носили распятия, лишь бы избежать высылки.

Однако инквизиция сочла их обращение неискренним и продолжила депортацию в Сла и Рабат, где им приходилось худо из-за незнания арабского.

Солнце здесь палило сильнее, а волны поднимались выше, нежели в родной Альмерии или Мотриле.

Хотя клев был хороший.

По ночам в лодках мужчины даже могли разговаривать.

20 Ежесекундно десять звезд закатывались за черные воды на западе.

Выйдя в море на нескольких лодках, мы завели речь о мести. Что если покажется испанский корабль, а мы его догоним и возьмем на abordaj? Чем мы себя порадуем?

Однажды такой корабль появился: он шел прямо к нам в руки.

Когда испанцы нас заметили, поворачивать было уже поздно, и мы легко их настигли, изо всех сил налегая на весла.

С криками *аллах акбар* шагнули на палубу.

Мы потеряли всего троих. Прикончили всех испанцев, перетащили, что смогли, в лодки и вернулись в порт.

После того как мы увидели их кровь, нам полегчало.

Корабль вынесло на берег чуть южнее.

Вскоре нам снова повезло, но теперь судно было британским. Мы решили не убивать больше, чем нужно.

Не перерезали экипаж и пассажиров, а связали их и привезли в Сла. Вырученные деньги были даром Аллаха.

Помалу-помалу мы перестали рыбачить, а взамен строили скороходные лодки.

Когда жители Сла это увидели, они занялись тем же.

На морях полно назареев, сказали они. Хватит на всех. Всевышнему угодно, чтобы сокровища неверных вернулись в лоно ислама.

Султан пишет европейским королям: он сожалеет о ра- 21
бототорговле, но Марракеш находится в отдалении от Сла, и султан не в силах справиться с тамошним беззаконием, хотя и прилагает огромные усилия для искоренения пиратства.

Он не признается, что получает один *гирш* с каждой десяти, добытых этим ремеслом.

В Фесе говорят, что мусульмане тратят больше всего денег на свадьбы, евреи – на Песах, а христиане – на тяжбы. Но под «тяжбами» жители Феса разумеют отчаянные попытки европейцев добиться аудиенции местных сановников, чтобы договориться о выкупе своих родственников и земляков, взятых в заложники.

22 Султан пишет британцам:

«Слава Всевышнему, ибо Он един! И да благословит Аллах тех, кто верен Его пророку!

Что же до людей, кои, по словам твоим, захвачены были в море, я не ведаю и ничего не слышал о них.

Слуга наш, Мохаммед бен Хаду Аатер, побывавший при вашем дворе, донес, что у вас не водятся львы и что они весьма высоко вами ценятся. Когда же ваш слуга прибыл к нам, он увидел двух маленьких львят, коих мы и посылаем вам вместе с ним».

Шторм и сильный восточный ветер.

23

На рассвете в бухту вошел английский капер. Мы отправили четверых, чтобы привести корабль в гавань. Потом мы все быстро вышли на берег у подножия скал и стали ждать.

Едва судно напоролось носом на риф, мы поплыли и взяли на abordаж. Несколько пассажиров нырнули в воду.

Капитан и команда были на палубе. В этот раз нам приказали убивать поменьше. Мы взяли всех живьем, не считая одной англичанки, которая прыгнула за борт и утонула.

Цепи у нас были наготове. Мы прогнали пленников через весь Танжер.

Ночью тоже было ветрено и дождливо, и мы разбили шатры на песке, на берегу Уэд-Тахадарц.

Членов экипажа заводили по трое, и они сидели, закованные, в наших палатках.

Абдеслам бен Ларби обратился к ним на их языке. Примите истинную веру, и не будете рабами.

Пара человек выкрикнула проклятья, но остальные согласились.

Бедные юноши, которых вряд ли выкупят.

Еще затемно, сняв кандалы, их молча переправили через реку. Больше мы их не видели.

Когда рассвело, мы отправились в путь с пленными. На всякий случай сняли с них тяжелую обувь. Они шли, как и мы, босиком и громко жаловались, что очень больно идти.

24 С каждым днем ноги у пленников все сильнее распухали и кровоточили. Некоторые не могли больше двигаться, и мы их оставляли. Если бы добирались до Мекнеса дольше, потеряли бы всех.

Среди завоеваний Эммануила Счастливого упоминается 25
взятие Азамура, где солнце опаляло даже нижнюю башню форта. Расплавленный свинец хлынул по желобам. Назад! – закричала толпа. Позже они изготавливали лучшие барабаны на побережье. «И ни одному христианину не позволялось въезжать в город верхом, а евреи должны были входить босыми (как в Фесе и других городах по сей день)».

26 В тот же день к нам на борт поднялся молодой человек из местных. Он сбежал от отца, на свою беду убив старшего брата, в котором отец не чаял души.

Во дворе. У фонтана. Времени было в обрез. Я услышал отца у дверей. Не успел даже вынуть нож. Лишь спрятался, а потом выскочил из дома. Аллах! Аллах!

Этот молодой человек увлеченно пересказывал свою скорбную историю, сопровождая ее жалобными сетованиями, столь безутешными, что нашему доброму капитану пришлось запереть его в темном трюме, где он и просидел все плавание. Не следует забывать, что марокканские пираты научились своему ремеслу у английских разбойников, изгнанных из европейской акватории.

А султан писал британцам:

27

«Сообщаем, что мы получили чрез ваших слуг от вашего повелителя трех упряжных лошадей, но, коль скоро для повозки требуется четыре, вы непременно должны прислать нам еще одну хорошую лошадь той же породы и роста, дабы можно было запрячь ее в четырехконную. Не премините сделать нам сие одолжение. Прощайте! С упованием, седьмого дня священного месяца Ду-Эль-Када, в год одна тысяча девяносто третий».

IV

28 На ветру, продувающем улицы Эсауиры насквозь, море шумит точно так же, как и двести лет назад, когда Эндрю Лэйтон владел небольшой экспортной фирмой на паях с двумя французами – мсье Секаром и мсье Барром. Все вместе они часто выезжали верхом за город, в сопровождении борзых Лэйтона. В городе было очень мало европейцев, и эти прогулки стали их любимым развлечением.

Однажды все трое выехали с конторским служащим. Спасаясь от ветра, они не стали огибать дюны на юге, а поскакали вглубь страны. Дорога вела мимо шлѣхских деревушек. Собаки разбежались по зарослям. Путники проехали селение, где в поле трудились женщины, а неподалеку паслись коровы. Борзые ринулись и всей сворой напали на скот. Упал теленок, крестьянин вскинул ружье и пристрелил одного пса. Остальные бросились врассыпную.

Европейцы все видели. Они подъехали и спешили, но не успели открыть рот, как батраки забросали их камнями. Мсье Барр получил очень серьезные ушибы. В последовавшей свалке Лэйтон и его приятели хлестали кнутах направо и налево. Потом они развернулись и в крайнем негодовании поскакали обратно в Эсауиру. Случай был чрезвычайный и, по их меркам, возмутительный. Они тотчас отправились к паше.

Дабы успокоить европейцев, с которыми он дружил, паша первым делом посоветовал им впредь не ездить вглубь страны, мимо деревень, а скакать по пустынному берегу на юг, не обращая внимания на ветер. Затем он согласился вызвать обидчиков. На следующий день в город явилась большая толпа крестьян. Они были в бешенстве и немедленно потребовали возмездия. У одной селянки не доставало двух зубов, и она утверждала, что их выбил Лэйтон. Крестьяне настойчиво зывали к справедливости – именем Аллаха и Пророка. 29

Озадаченный таким поворотом событий, паша решил передать дело султану. Немного спустя пришел ответ от его величества: обеим сторонам надлежало явиться в марракешский дворец.

На слушании в присутствии султана Лэйтон просто душно и честно изложил обстоятельства. Он даже признался, что ударил женщину по лицу рукояткой хлыста и выбил ей два резца. Лэйтон предложил заплатить за ущерб, но крестьяне наотрез отказались. Они пришли в Марракеш не за деньгами и требовали наказания по закону талиона: Лэйтон должен отдать им два своих зуба. Любые другие варианты не принимались.

Поскольку селяне с полным основанием настаивали на исполнении закона страны, султан был вынужден приказать, чтобы процедуру совершили тут же. Придворный зубодер выступил вперед, заранее готовый к операции. Лэйтон, конечно, смутился, но хладнокровно попросил удалить два коренных, которые недавно его забеспокоили. Истцы согласились. Задние зубы крупнее и тяжелее передних, и крестьяне решили, что так даже выгоднее.

Операцию провели под пристальным надзором селян. Они надеялись услышать, как неверный закричит

от боли. Но Лэйтон выдержал пытку со стоическим молчанием. Зубы помыли и преподнесли истцам, которые ушли вполне удовлетворенными.

30 Султан наблюдал за этим с растущим интересом и договорился с Лэйтоном о частной беседе на следующий день. Монарх извинился и вместе с тем выразил восхищение мужеством англичанина. Султан сказал, что просто обязан оказать любую милость, какой пожелает гость.

Лэйтон ответил, что просит лишь разрешения на вывоз пшеницы из Эсауиры. Его скромность и чистосердечие пленили монарха, и они крепко подружились.

Император надеялся в конце концов убедить Лэйтона принять пост британского консула в Марракеше. Там ему хотя бы не придется сражаться с ветрами. Но эта перспектива не прельстила Лэйтона, который предпочел остаться в Эсауире со своими лошадьми и собаками. К ветру я уже привык, сказал он.

V

31 Когда его племя побеждало в битве, Си Абдалла эль-Хасун внутренне ликовал. Однако он считал эту радость низменной и недостойной. Дабы укрепиться в своей святости, он распрощался с учениками и поселился у моря, в Сла.

Вскоре студенты-богословы из его школы прислали делегацию к Си Абдалле, умоляя вернуться. Ничего не ответив, святой привел их к скалам на морском берегу.

Как бушует вода! – воскликнул он. Студенты кивнули. Тогда Си Абдалла набрал воды в кувшин и поставил его на скалу. А здесь вода спокойна, показал он на сосуд. Почему?

Один ученик ответил: Потому что ее забрали из родной среды.

Теперь вы понимаете, почему я должен остаться здесь, сказал Си Абдалла.

Бессчетными днями, в своей комнатке близ *фондука* Аскур, под брань и вопли блудниц во дворе, Сиди Муса эд-Дуккали бился над своей задачей, как одержимый. Он надеялся сделать стебли асфоделей съедобными, но умер, так и не достигнув цели.

Сиди бел Аббесу эс-Сибти было всего пятнадцать, когда, осознав свою святость, он пришел в Марракеш вести жизнь святого. Сорок лет бродил он по улочкам медины в одних *серуэлях*, превознося достоинства нищеты. Он был известен тем, что сквернословил, когда корил споривших с ним.

- 32 Сиди Белиута, укротителя диких зверей, всегда видели в окружении ручных львов. А Сиди Абдеррахман эль-Медждуб, который сочинял эпиграммы и прорицал, был не только святым, но и безумцем, то есть от рождения черпал прямо из источника всякого знания.

За стенами города, в красноземных скалах на берегу Уэд-Тенсифт, выдолблены гроты. Вход в пещеру Сиди Юсефа не был виден с реки: его закрывали высокие колючие кусты. Сиди Юсеф искал уединения, и хотя он прославился своей великой святостью, жители Марракеша не нарушали его одиночества, ибо он был прокаженный. Святой утверждал, что эту болезнь даровал ему Аллах в награду за благочестие. Если кожа цеплялась за шипы и на них оставались клочки, он сердечно благодарил за эти особые свидетельства божественного благоволения.

Однажды ученики задрожали.

Холодно? – спросил учитель.

Надо сесть во дворе, ответили они. Тут прячутся *дженун*.

Сиди Али бен Харазем пристыдил их: Оставайтесь здесь! Если наши молитвы к Аллаху долетают до самых темных уголков, значит, врагов можно сделать друзьями, и они примут ислам.

Ученики поежились и записали, прислушиваясь к журчанью воды под черепицей. А Сиди Али бен Харазем вещал дотемна, пока ласточки не перестали летать над городом.

VI

34 Полтора столетия назад на извилистой улочке фесского меллаха жила почтенная чета – Хаим и Симха Хахуэль. Сегодня о них никто бы и не вспомнил, не будь их дочь Сол писаной красавицей.

Еврейские девушки могли ходить по улицам без покрывала, и красота Сол Хахуэль вскоре стала притчей во языцех.

Мусульманские юноши поднимались из медины и гуляли по меллаху, лишь бы хоть одним глазком взглянуть на Сол, когда она пойдет к фонтану за водой.

Однажды ее увидев, Мохаммед Зрхуни приходил каждый день и ждал, пока она не появится, чтобы полюбоваться ею. Чуть позже он заговорил с девушкой, а потом предложил руку и сердце.

Родители Сол выступили категорически против: ведь ей пришлось бы отречься от иудаизма.

Семья Зрхуни тоже осудила эту затею: зачем нужна еврейка в доме? Как и большинство мусульман, они считали, что обращение еврея в ислам нельзя считать подлинным.

Мохаммед не хотел брать в жены мусульманку, поскольку в этом случае необходимо считаться с мнением женской родни: когда наконец-то увидишь лицо невесты, тебя уже фактически на ней поженят. Родственники непременно учитывали размер калыма, и Мохаммед сильно сомневался, что их избранница срав-

нится по красоте с тем сокровищем, которое он обрел в меллахе.

Сол тоже была без ума от своего поклонника-мусульманина. Ее родители своими неистовыми речами лишь разжигали ее страсть. Как и Мохаммед, она не понимала, почему должна уважать мнение старших.

Случилось неизбежное: однажды она вышла из дома и не вернулась. Мохаммед покрыл ее *хаиком*, спустился с ней в медину и отвел через мост в родительский дом в Кеддане. 35

Мохаммед жил с матерью, тетками и сестрами – отец умер в прошлом году. Из почтения к усопшему женщины приняли невесту, как подобает, чуть ли не торжественно, и справили свадьбу, которая подразумевала обращение невесты в ислам.

Мать обронила: хорошо хоть невеста досталась даром, и Мохаммед догадался, что поэтому она и приняла, пусть неохотно, Сол в свою семью.

Ну а сама Сол почти тотчас поняла, какую ошибку совершила. Хотя девушка была знакома с мусульманскими обычаями, она даже не подумала, что ей навсегда запретят выходить из дома Зрхуни.

Когда она заспорила с Мохаммедом, доказывая, что ей нужно подышать свежим воздухом, муж ответил, что, как всем известно, женщина выходит лишь три раза в жизни: когда рождается и покидает материнскую утробу, когда выходит замуж и покидает отчий дом, когда умирает и покидает этот мир. Мохаммед посоветовал ей гулять на крыше, как все другие женщины.

Тетки и сестры вовсе не приняли Сол как родную, и она все острее ощущала себя самозванкой. Они шушукались между собой и резко умолкали при ее появлении.

Так прошло несколько месяцев. Сол умоляла, чтобы ей разрешили проводить мать и отца. Сами они не могли приходить к ней, дабы не осквернять дом.

36 Сол казалось несправедливым, что женщинам нельзя заходить в мечеть: если бы только она могла молиться вместе с Мохаммедом, жизнь стала бы сноснее. Сол с тоской вспоминала, как исправно ходила в синагогу, стояла с матерью наверху и слушала отца, певшего внизу с другими мужчинами.

Дом Зрхуни стал тюрьмой, и Сол решила оттуда сбежать. Как-то раз ей удалось раздобыть ключ от входной двери, она закуталась в *хаик* и незаметно проскользнула на улицу. Не глядя по сторонам, Сол поспешила на самый верх *талаа*, а затем направилась в меллах.

Счастье в доме Хахуэля продлилось всего лишь день. Взбешенный и оскорбленный поступком жены, Мохаммед пошел прямо к *улемам* и рассказал им свою историю. Они выслушали, посоветовались и объявили, что его жена виновна в вероотступничестве.

На следующий день отряд *мохазния* постучал в дверь дома в меллахе, а затем под вопли и стенания схватил девушку. Ее выволокли из дома и протащили по улицам Фес-Джедид; позади шла большая толпа.

У Баб-Сегма толпа растянулась и встала кругом. Сол кричала и пыталась сорвать с себя веревки, но ее заставили преклонить колени в пыли.

Высокий *мохазни* вынул меч из ножен, высоко его занес и обезглавил ее.

VII

Дни призрачной ночи, кравшихся меж ними. На улицах спрашивали: Где он? 37

На закате, когда складывали товары, над суком поднимался ропот.

В кандалах. В Фесе.

Абделджбар.

Поднятые брови, быстрые улыбки, понимающие кивки. Когда рифцы сожгли назарейский корабль, султан Абдеррахман послал своих солдат в Риф, надеясь умиротворить владельцев. Они пошли напрямик к каидам и шейхам, предложив серебряные реалы в обмен на имена виновных.

В городе, где жил шейх Абделджбар, был юноша по имени Эль-Аруси – все восхищались его сильным телом и прекрасным лицом. Но шейх Абделджбар почему-то ненавидел молодого человека, и об этом нередко судачили в *суке*. Трудно было понять причину его неприязни.

Те, кто недолюбливал шейха, говорили, что, вероятно, Эль-Аруси некогда отверг ухаживания старика. Другие же полагали, что завистливый шейх не мог простить юноше множества достоинств, которыми наделил его Аллах, – особенно тех, из-за которых девушки и женщины часами ждали за решетками, пока он не пройдет мимо. Народ обожал Эль-Аруси, а шейха – нет.

Эль-Аруси ничего не знал о сожженном корабле, и шейху это было хорошо известно. Однако он назвал юношу в числе налетчиков. Эль-Аруси заковали в цепи и бросили в фесскую темницу.

В Рифе несправедливый суд был хлебом насущным. Все в городе знали о том, что произошло, и шептались. Эль-Аруси стал героем. Люди не сомневались, что он

сбежит. Время доказало их правоту. Не прошло и года, как разнесся слух, что он в Танжере. Но, наверное, эта весть не достигла ушей Абделджбара. В своих башнях высоко над городом шейх общался лишь с такими же важными персонами, как сам.

Шейх был тщеславен. Он рассчитывал выдать дочь Рахману за пашу Сла.

Среди его владений был замок в Гарбе, недалеко от Сла – туда-то он и решил пригласить семью паши.

Эль-Аруси действительно сбежал из фесского заточения. Он вернулся в родной город, где люди на улице радушно его встречали и вместе с ним сокрушались над несправедливостью, которой он подвергся.

Юноша слушал в нетерпении, думая о своем. Он озлобился и стал молчаливым. Эль-Аруси обязан был отомстить шейху. Ничего другого не оставалось. Но шейх уехал в Гарб.

Однажды вечером Эль-Аруси сидел в отцовском доме и размышлял, как вдруг его осенило. Он знал, что необходимо поехать и остаться – возможно, на многие месяцы – в окрестностях замка под Сла, но не понимал, как прожить все это время без денег. И вот теперь он, похоже, нашел выход.

На следующее утро он разыскал своих друзей и спросил, согласны ли они отправиться с ним и жить

разбойниками в Маморском лесу, готовясь к нападению на шейха Абделджбара?

В конце концов, он собрал больше двух дюжин молодых людей, жаждавших восстановить его доброе имя.

За пару месяцев, пока шейх Абделджбар наведывался в Сла, договариваясь о предстоящей свадьбе, Эль-Аруси и его друзья превратились в самую свирепую разбойничью шайку во всей округе. Понятно, какой ужас посеяли они в Гарбе: для надежности бандиты сначала убивали жертв, а уж потом грабили.

Сотни лет Маморский лес славился разбоями. Отщепенцы совершали налеты на караваны, когда те неблагоразумно проезжали в опасной близости от леса. Если бы шейх Абделджбар поговорил с крестьянами, трудившимися на его земле, возможно, он опознал бы нового главаря по описаниям. Но шейх был слишком занят обсуждением калыма с пашой и деталей свадебного пиршества – со своим будущим зятем Сиди Али.

Ну а Рахмана возлежала на подушках, глотая катышки из миндального теста с кунжутом и медом, пока служанки умащивали ей кожу притираниями.

Гости начали прибывать в замок за пару дней до пира. Накануне торжества вся процессия, возглавляемая женихом и невестой, при свете факелов выехала верхом в Сла. Празднество должно было продолжиться во дворе паши, куда они доберутся на следующий день.

Дорога вела меж валунами и высокими кактусами. Ярко светил месяц, а с востока дул холодный пронизывающий ветер. Пели песни под аккомпанемент сотни копыт.

Когда въехали в извилистое ущелье, откуда-то из-за скал послышался громкий голос.

Ха хува! Эль-Аруси!

На секунду воцарилась тишина, а потом тридцать ружей открыли сверху огонь по процессии.

Все, кто уцелел, в панике разбежались по трупам лошадей и людей, и один лишь жених заметил всадника, который появился из-за валуна и поскакал прямо к молодоженам. В последний миг разбойник вырвал 40 Рахману из седла и галопом унесся с ней во тьму.

Шейх Абделджбар не пострадал. Вместе с зятем он отправился в Сла посоветоваться с пашой.

Пару дней спустя султан выслал солдат на помощь опозоренным отцу и сыну. Шейх Абделджбар и Сиди Али торжественно поклялись найти Рахману во что бы то ни стало.

Проезжая вместе с солдатами, они не раз видели мельком бандитов, но те мгновенно скрывались в чаще. Случались перестрелки, в которых потери несли обе стороны, однако главаря разбойников никогда не видели.

Солдатам понадобилось больше года, чтобы окружить самую непроходимую чащобу. Оставшиеся припешники Эль-Аруси вовремя заметили опасность и убежали.

Неделя за неделей солдаты султана все плотнее сжимали кольцо вокруг того места, где, по их расчетам, находился Эль-Аруси.

Обнаружили его собаки Сиди Али – в пещере на берегу ручья: тело, изнуренное голодом, лицо осунулось и все в шрамах.

Солдаты связали его, принесли в лагерь и свалили на землю в палатке.

Тогда Сиди Али присел на корточки, достал кинжал и медленно отрезал пленному все десять пальцев на ногах, швыряя их один за другим в лицо Эль-Аруси.

Покончив с этим, он перешел в другую палатку, чтобы посоветоваться с шейхом Абделджбаром, какой казни подвергнуть пленника на следующее утро.

Они засиделись до полуночи, забавляясь все более нелепыми фантазиями.

Когда шейх уже собирался уйти в свою палатку, он склонялся к тому, чтобы разрезать кожу вдоль талии, затем содрать ее, натянуть на голову и, наконец, обмотав 41 вокруг шеи, задушить Эль-Аруси.

Но Сиди Али это не удовлетворило, и он предложил отрезать уши и нос и заставить проглотить их, а потом вспороть желудок, вытащить их и заставить снова проглотить – ну и так далее, пока Эль-Аруси не умрет.

Старик минуту подумал, затем пожелал зятю покойной ночи и сказал, что, коли будет на то воля Аллаха, они продолжат беседу утром.

Договорить им не довелось. В глухую предрассветную пору шейх проснулся и застыл от крика: *Ха хува! Эль-Аруси!*

Шейх вскочил и выбежал наружу. Палатка пленника была пуста. Он помчался к палатке Сиди Али. Молодой человек был мертв. Из глазницы у него торчало копьё.

Пока шейх стоял и смотрел, не веря своим глазам, снаружи послышался топот копыт. Постепенно затихнув, он смолк. Эль-Аруси запрыгнул на жеребца самого шейха и ускакал.

Наутро, омыв и похоронив Сиди Али (добираться до Сла было далеко), шейх Абделджбар вместе с солдатами вновь пустился в погоню.

Еще до полудня они встретили коня, который медленно шел им навстречу: седло и бока были испачканы кровью. Шейх спешился, побежал и вскочил на жеребца,

а затем развернул и погнал обратно. Продираться сквозь чашу было трудно, но конь хорошо знал дорогу.

Вскоре они добрались до полянки, где стояла грубая хижина. Дверь была отворена.

Шейх Абделджбар остановился в дверях, вглядываясь в темноту. Эль-Аруси лежал на полу. Ясно было, что он мертв.

42 Потом шейх увидел девушку, которая сидела рядом и перецеловывала обрубки пальцев Эль-Аруси. Шейх окликнул ее по имени, уже побаиваясь, что она не отзовется.

Казалось, она не услышала окрик отца. Когда он поднял ее и попытался обнять, девушка вытаращилась на него и отшатнулась. Солдатам пришлось связать ее, чтобы выволочь из хижины и забросить на лошадь к отцу.

Шейх Абделджбар привез Рахману обратно в Маморский замок. Он надеялся, что со временем она перестанет непрерывно призывать Эль-Аруси.

Однажды она была в саду и, заметив, что ворота не заперты, быстро в них шагнула. Что произошло с ней потом, остается загадкой, ведь больше ее не видели. Местные жители утверждали, что она вернулась в лес, дабы искать Эль-Аруси. Они пели песню:

*Дни призрачной ночей, крадущихся меж ними
Рахмана бродит по лесу, ветви цепляются за волосы*

VIII

По ночам в рифских дворах деда мастерят гранаты. 43
За каждым камнем в овраге прячется человек. Гарнизонный испанец вскакивает во сне, но ему уже перерезали глотку.

По ночам legionеры в оазисе, пьяные от горячего пива и жалости к себе, горланят патриотические песни о далекой родине. Под ветвями тамарисков песок холодный – там лежат верблюды, укрываясь от лунного света.

Ай-ай-ай-ай! Ничего путного из этого не выйдет.

Здесь были американцы.

Люди богатели,

Особенно женщины.

Даже старухи срывали покрывала

И набивали рот жвачкой.

Мужья напрасно ждали жен.

Их похищали смазливые мордашки

И зеленые глаза.

А девушки причесывались на пробор

И носили французские юбки.

Им хотелось к американцам.

И повсюду слышалось: «Хокей, хокей».

Солдаты нам давали сигареты,

Шоколадки и доллары.

И даже старые ведьмы носили шелковые косынки,

Когда здесь были американцы,

И всё: «Хокей, хокей! Бай-бай!»

Сегодня – леденцы, а завтра – жвачка.

Девицы мазали лица

Нутовой пудрой

И ели конфеты.

И даже старухи пили ром

С американцами.

И слышалось: «Хокей, хокей! Кам он! Бай-бай!»

Деньги для всех.

Их возвращали девицы.

Они носили сумочки.

Им хотелось к американцам.

И слышалось сплошь: «Хокей, хокей!

Гив ми доллар. Кам он! Бай бай!»

46 По ночам французская полиция спокойно блокирует входы в меллах, якобы опасаясь трений между мусульманами и евреями. А по ночам она спокойно снимает защиту, позволяя мусульманам входить в квартал и мародерствовать.

Ночью, душной от аромата жасмина, тела французов и их родни валялись вдоль дорог, под кипарисами в парках, посреди дымящихся развалин небольших вилл. Еще затемно поднялся ветер.

Пока испанцы управляли Шемелом, офицеры любили охоту на оленя. Зверей было мало, и они оказались меньше тех, на которых военные привыкли охотиться в Испании. Пиренейских оленей часто перевозили морем в Мелилью и выпускали в горах, где они размножались и, смешиваясь с местными стадами, производили более крупное и сильное потомство.

При испанцах жителям Шемела запрещалось иметь огнестрельное оружие. Когда чужеземцы уехали домой и передали город марокканцам, закон остался прежним.

Тогда для людей, живших в дальних лесных районах, настали тревожные времена. В округе бродили слухи о трагических случаях. Раньше олени прятались от людей, но теперь нередко сами их разыскивали и нападали, а людям нечем было обороняться.

У Си Абделазица, зажиточного крестьянина из Чар Сердиуа, было четверо сыновей – от шестнадцати до двадцати лет. Все еще неженатые: в последние годы дел было невпроворот – даже некогда поискать невест.

Отложив некую сумму, крестьянин начал ездить по окрестным деревням, подбирая девушку для старшего сына.

Наконец в чаре, расположенном в двух часах пути, он договорился с отцом одной девушки. Си Абделазиз так и не видел ее своими глазами, но родня заверила,

что у девицы отменное здоровье и она идеально подходит для замужества.

Уладив вопрос с калымом, он заплатил отцу и вернулся в Чар Сердиуа, довольный сделкой.

Своему первенцу Мохаммеду он сказал: У тебя есть жена. Справим свадьбу на седьмой день после Мулуда.

48 Из юношей своего чара сын выбрал *ваззару*, который должен нарисовать хной узоры на его ладонях, возвести перед отчим домом стенку из тростника и кустарника, а затем пойти за невестой в ее деревню.

За день до свадьбы Мохаммед и его *ваззара* еще не закончили стену. Они трудились с рассвета до заката, и оставался лишь один маленький участок, который Мохаммед взялся достроить сам, как только все уйдут за девушкой.

Процессия вышла в долину вскоре после полуночи, под звуки *райт* и барабанов. Си Абделаиз отправился с ними, пообещав, что все вернутся на заре.

Невдалеке от дома протекал ручей, с густыми зарослями по обе стороны. Мохаммед сходил туда пару раз, принося охапки зеленых веток, которые вплетал в недостроенную стену. Глубокой ночью все было завершено. Он еще раз сбегал к речке искупаться и помолиться, а затем улегся и стал ждать свадебного кортежа.

Женщин в доме разбудил бешеный олений рев – звук, внушавший ужас всем жителям чара. Позвали Мохаммеда, но тот не откликнулся. Мужчины с соседней фермы услышали крик животного и прибежали. Едва они приблизились к дому Си Абделаиза, олень проревел снова.

Сначала они увидели белые одежды Мохаммеда, которые зверь таскал по земле, топчась и бодаясь, а потом – самого Мохаммеда, лежавшего на боку: внутрен-

ности вывалились кольцами в грязь. Олень еще раз проревел, развернулся и скрылся в темноте. Мужчины перенесли тело в дом и накрыли его.

Уже светало, когда жители Чар Сердиуа услышали пронзительные звуки свадебного кортежа, спускавшегося из долины. Несколько человек выбежали навстречу и сообщили Си Абделаизу страшную новость. Процессия добралась до дома в гробовом молчании.

После похорон Мохаммеда трое младших сыновей посовещались. Они решили, что олень пришел убить брата, поскольку тот собирался жениться на этой девушке. Значит, любого безумца, который захочет взять ее в жены, наверняка ожидает та же участь.

Си Абделаиз заплатил за невесту и даже не думал отправлять ее обратно домой. Он вызвал старшего из трех оставшихся сыновей и сказал, что отдает девушку ему. Парень наотрез отказался.

Си Абделаиз предложил ее следующему сыну, а затем и младшему, но ни один из них не согласился. Девушка прознала об этом и попросила отвести ее обратно в деревню. В припадке ярости старик объявил, что женится на ней сам.

Трое юношей не разговаривали с мачехой. Они ждали оленя. Всякий раз, когда отец уходил в лес, прислушивались, не прозвучит ли голос убийцы.

Олень так и не пришел. Си Абделаиз умер в своей постели год спустя, и девушка смогла вернуться в родной чар – уже вдовой.

50 В Анджре почти нет мощеных дорог. Это край высоких зубчатых гор и лесистых долин – ни одного крупного города. В дождливый сезон случаются оползни. После них дороги становятся непроезжими, пока правительство не пришлет людей для ремонта. Все это не дает покоя жителям Анджры, особенно если нужно ждать восстановления шоссе, чтобы между деревнями вновь могли двигаться грузовики. Пару месяцев назад прислали четверых или пятерых солдат – засыпать вымоины на дороге между Ксар-эс-Сегиром и Меллусой. Ремонтники разбили палатку на обочине, у излучины реки.

Крестьянин по имени Хатташ, живший в паре миль от того места, регулярно проходил мимо по пути в Ксар-эс-Сегир и обратно. У Хатташа не было постоянной работы, но он вечно вынюхивал, чем бы поживиться на рынке и в кофейнях. Похваляясь своей хитростью, он охмурял иноземцев, под которыми разумелись все живущие за пределами Анджры. Его друзья тоже недолюбливали чужаков и радовались его подвигам, но старались с ним не связываться.

За несколько месяцев Хатташ сдружился с солдатами, обитавшими в палатке, часто останавливался выкурить с ними трубочку кифа или, присев на корточки, сыграть пару партий в *ронду*. Поэтому, когда солдаты решили позвать гостей, они естественно рассказали об этом Хатташу, который знал всех на несколько миль

окрест и, стало быть, мог услужить. Солдаты прибыли с юга, жили в уединении у реки и видели только тех, кто регулярно проходил мимо их палатки.

Я могу достать вам все, что захотите, сказал Хатташ. Куры, овощи, масло, специи, салат – что угодно.

Прекрасно, но мы хотим еще девочек или мальчиков, прибавили они.

Насчет этого не волнуйтесь. Будет из чего выбрать. 51
Что не понравится, отправите обратно.

Битый час обсуждали они, во сколько обойдется пикник, после чего солдаты вручили Хатташу двадцать пять тысяч франков. И он сделал вид, что пошел на рынок.

Но вместо этого отправился к ближайшему фермеру и купил у него пять лучших кур, договорившись, что, если они не понравятся заказчику, тот сможет вернуть их и забрать деньги.

Вскоре Хатташ уже стоял с курами у солдатской палатки. Ну, как? – спросил он. Ремонтники пощупали птицу, рассмотрели и подтвердили, что куры отличные. Хорошо, сказал Хатташ, тогда отнесу их домой и приготавлию.

Затем он вернулся с курами к фермеру и сказал, что покупатель их забраковал. Крестьянин пожал плечами и отдал Хатташу деньги.

Самое время убираться из Ксар-эс-Сегира, решил Хатташ. Он зашел в кафе и пригласил всех вечером в солдатскую палатку, добавив, что там будет еда, вино и девки. Потом купил хлеба, сыра, фруктов и зашагал по тропе, ведущей через горы в Хемис-дл-Анджру.

На двадцать пять тысяч франков он смог прожить в Хемис-дл-Анджре несколько недель. Когда деньги кончились, начал подумывать, куда бы пойти еще.

Как-то утром он встретил на рынке Хаджа Абдаллу – зажиточного фермера из Фарсиуа, деревни, расположенной всего в паре миль от его родной. Дюжий и свирепый Хадж Абдалла всегда поглядывал на Хатташа подозрительно.

А, Хатташ! Что ты здесь делаешь? Давненько тебя не видел.

52 А ты? – спросил Хатташ.

Я-то? Еду в Тетуан. Оставлю здесь мула и сяду на автобус.

И я туда же, сказал Хатташ.

Ну, увидимся в Тетуане, ответил Хадж Абдалла, после чего развернулся, отвязал мула и ускакал.

Хемис-дл-Анджра – городок маленький, и, без труда проследив за Хаджем Абдаллой, Хатташ заметил, где он привязал мула и в каком доме затем скрылся. Хатташ побрел к остановке и сел под деревом.

Примерно через час, когда автобус уже наполнился под завязку, явился Хадж Абдалла и купил билет. Хатташ подошел к нему.

Одолжи тыщу франков? На билет не хватает.

Хадж Абдалла глянул на него. Нет, не могу, сказал он. Почему тебе не остаться здесь? И сел в автобус.

Нехорошо сощурившись, Хатташ снова уселся под деревом. Как только автобус уехал, а облако дыма и пыли понеслось над лугами, он побрел обратно к дому, где Хадж оставил мулицу. Та стояла на месте, он тихонько отвязал ее, сел верхом и поскакал в сторону Мгас-Тлеты. Вне себя от обиды, он поклялся задать Хаджу Абдалле кучу хлопот.

Мгас-Тлета – это небольшой чар. Хатташ отвел мулицу на *фондак* и попросил сторожа присмотреть за ней.

Умирая с голоду, он поискал в карманах монетку на хлеб, но ничего не нашел.

На дороге за *фондаком* он заметил крестьянина с буханкой в капюшоне *джеллабы*. Не в силах оторвать взгляд от хлеба, Хатташ пошел навстречу мужчине и поздоровался. Потом спросил, есть ли у него работа, и удивился, когда мужчина ответил: нет. Не спуская 53 глаз с хлеба, Хатташ продолжал: Если хочешь заработать тысячу франков, можешь отвести мою мулицу во Мдик. Мой отец ждет ее, и он тебе заплатит. Просто спроси Си Мохаммеда Тсули. Во Мдике все его знают. На него всегда трудится уйма народу. Если хочешь, тебе он тоже работу даст.

У крестьянина загорелись глаза. Он сходу согласился.

Хатташ вздохнул. Как давно я не видел такого вкусного деревенского хлеба, показал он на буханку, выглядывавшую из капюшона *джеллабы*. Мужчина вынул буханку и протянул ему. На, возьми.

Взамен Хатташ дал ему расписку на мулицу. Только тебе придется заплатить сотню франков, чтобы забрать ее с *фондака*, сказал он. Мой отец все возместит.

Ладно. Мужчине не терпелось отправиться во Мдик.

Си Мохаммед Тсули. Не забудь!

Ни в коем разе! *Бслема*.

Довольный Хатташ посмотрел крестьянину вслед, а затем сел на камень и съел всю буханку. Он не собирался возвращаться домой – не ровен час повстречаешь солдат или Хаджа Абдаллу. Потому Хатташ решил переждать пока в Тетуане, где у него были друзья.

Когда крестьянин прибыл на следующий день во Мдик, никто не мог ему сказать, где живет Си Мохаммед Тсули. Он исходил весь город вдоль и поперек,

выискивая и расспрашивая. Под вечер пришел в жандармерию и спросил, можно ли оставить мула. Но его допросили и обвинили в воровстве животного. Просто обхохочешься, сказали жандармы и заперли крестьянина в камере.

54 Через пару дней Хадж Абдалла, уладив свои дела в Тетуане, вернулся в Хемис-дл-Анджру за мулицей, чтобы поехать на ней домой. Услышав, что она исчезла сразу после того, как он сел на автобус, Хадж Абдалла вспомнил Хатташа и понял, что он-то во всем и виноват. О краже следовало сообщить в Тетуан, и Хаджу Абдалле поневоле пришлось туда вернуться.

Твой мул во Мдике, сказали ему в полиции.

Хадж Абдалла сел на автобус до Мдика.

Документы, сказали жандармы. Подтверждение права собственности.

У Хаджа не было таких документов. Ему велели поехать в Тетуан и оформить.

Все эти дни, ожидая, пока составят, подпишут и заверят печатью документы, Хадж Абдалла свирепел все больше. По два раза на дню ходил в полицию. Я знаю, кто ее увел! – кричал он. Знаю этого сучьего сына.

Увидишь его – сразу хватай, говорили ему. А мы уж с ним разберемся.

Хоть Тетуан и большой город с множеством людных кварталов, случилось невероятное: поздно вечером, в узком проходе близ Сук-эль-Фуки, Хадж Абдалла и Хатташ столкнулись нос к носу.

Измученный Хатташ застыл на месте, как вкопанный, уставившись в глаза Хаджу Абдалле. Затем он услышал яростный вопль, и его схватила мощная рука.

Полиция! Полиция! – заорал Хадж Абдалла. Хатташ задергался, но вырваться не сумел.

Прибежал один полицейский, затем другой. Хадж Абдалла ни на секунду не отпускал Хатташа и обвинил его в краже. Потом, выругавшись, ударил арестованного, и тот распластался на тротуаре. Хатташ лежал в темноте, не шевелясь.

Зачем ты это сделал? – закричали полицейские. Теперь неприятности будут у тебя.

Хадж Абдалла и сам испугался. Знаю. Не надо было 55 его бить.

Дело – табак, сказал один полицейский, склонившись над Хатташем, лежавшим без движения. Смотри, у него кровь из головы течет.

В проходе собралась небольшая толпа.

Крови было совсем чуть-чуть, но полицейский заметил, как Хатташ открыл один глаз, и услышал его шепот: Послушайте.

Он наклонился ниже, приблизив ухо к губам Хатташа.

У него есть деньги, прошептал Хатташ.

Полицейский выпрямился и подошел к Хаджу Абдалле. Придется вызывать скорую, сказал он, а ты пойдешь с нами в участок. Ты не имел права его бить.

В эту минуту Хатташ застонал.

Хорошо хоть живой! – воскликнул Хадж Абдалла. Хамдулла!

Тогда полицейский заговорил с ним вполголоса, советуя замять инцидент, заплатив пострадавшему.

Хадж Абдалла согласился. Сколько, по-вашему? – прошептал он.

На голове глубокая рана, сказал тот же полицейский и возвратился к Хатташу. Иди сам взгляни.

Но Хадж Абдалла остался на месте, а Хатташ простонал, и мужчина вновь склонился над ним. Затем Хатташ пробормотал: Двадцать тысяч. По пять каждому.

Вернувшись к Хаджу Абдалле, мужчина назвал сумму. Ты еще дешево отделался.

Хадж Абдалла вручил деньги полицейскому, который отнес их Хатташу и ткнул его в бок. Слышишь меня? – заорал он.

Уаха, простонал Хатташ.

56 На, возьми. Он протянул банкноты, так чтобы Хадж Абдалла и толпа зевак ясно это разглядели. Хатташ поднял руку, забрал деньги и сунул в карман.

Хадж Абдалла люто глянул на толпу и протолкался сквозь нее, стремясь поскорее обратиться.

Когда он ушел, Хатташ медленно сел и почесал голову. Зрители не расходились. Оба полицейских занервничали – им хотелось получить свою долю. Но публика в такие минуты была крайне внимательна, ведь недавно разоблачили несколько случаев коррупции. Толпа ждала, что полицейские заговорят с Хатташем или, если он встанет, пойдут за ним.

Хатташ все видел и понимал. Он поднялся на ноги и быстро зашагал по проулку.

Полицейские переглянулись, обождали пару секунд, а затем лениво побрели в ту же сторону. Оторвавшись от толпы, они побежали, на ходу освещая фонариками каждый проулок. Но Хатташ знал этот квартал не хуже них и благополучно добрался до дома своих друзей.

Однако он решил, что теперь, когда его отслеживают сразу два полицейских, Тетуан ему больше не подходит, и предпочел свой родной чар в Анджре.

Вернувшись туда, он вначале осторожно навел справки о состоянии дороги в Ксар-эс-Сегир. Ремонт кончился, сказали соседи, а солдат отправили в другой район страны.

XI

В устье, где берег соткан из небес, течение реки быстрое, и маленькие волны завиваются веером со стороны моря. Ни один щит не предостерегает купальщиков от акул, что заплывают сюда и патрулируют канал. Перед самым закатом птицы прилетают, рыскают и шмыгают по песчаной косе, чтобы еще засветло упорхнуть. 57

ПРИМЕЧАНИЯ И ИСТОЧНИКИ

58

I

Топографических объектов, упоминаемых Ганноном Карфагенским, более не существует. За последние двадцать четыре века атлантическое побережье Марокко сильно изменилось.

II

Фондук – караван-сарай, где путешественники могут найти стол и ночлег для себя, а также стойло и корм для своих лошадей, ослов или мулов.

Упоминание короля Мохаммеда VIII в начале XVIII в., возможно, удивит тех, кто помнит, что король Мохаммед V умер в 1961 г. Всего тринадцать монархов носили это имя до установления нынешней династии в 1649 г., после чего нумерация началась заново.

«Passio gloriosi martyris beati fratris Andreae de Spoleto, ordinis minorum regularis observantiae p. catholico fidei veritate passi in Affrica civitate Fez», Anno 1532, Tolosoae (in verso).

(Испанский перевод опубликован в Медина-дель-Кампо в 1543 г. под заглавием «Tesouro de virtudes copilado por un religioso portuguez, Sigue el Martyro de Fr. Andres de Espoleto en Fez».)

IV

Эпизод упоминается в «Марокканской империи» Джеймса Грея Джексона (James Grey Jackson, «The Empire of Morocco», William Butler & Co., London, 1809).

V

Дженун (ед. ч. *джинн*) – страшные духи, способные принимать человеческий либо животный облик.

VI

Улемы – совет мужей, теоретически и практически подкованных в законах ислама и занимающих правительственные посты в мусульманском государстве.

Мохазня – военная гвардия.

Eugenio Maria Romero, «El Martirio de la joven Nachuel, la Heroína Hebrea», Gibraltar, 1837.

Случай упоминается в «Times of Morocco» от 25 сентября 1888 г., а также в «Еврейских архивах» («Archives Israélites», Vol. xli, Nos. 22–24, 1880).

Пьеса Антонио Калье, основанная на этих событиях, опубликована в Севилье в 1852 г.

VII

Рассказ приводится в «Марокко» Эдмондо де Амисиса (Edmondo de Amicis, «Morocco», Henry T. Coates & Co., Philadelphia, 1897).

VIII

Буквальный перевод магрибской песни, популярной в 1950-х гг.

IX

Испанское владычество над Марокко завершилось с обретением независимости в 1956 г. Описанные трудности встречались в 60–70-х гг.

X

Фондак – гостиница. Во времена французской оккупации *фондук* и *фондак* использовались как синонимы и означали «постоялый двор». Нынешнее словоупотребление различает между *фондуком* – караван-сараем, куда ставят животных, и *фондаком* – гостиницей.

История произошла в 1980 г.

59

О книгах Пола Боулза

60 В новом столетии, когда мы вошли в нескончаемый и непримиримый конфликт с исламским миром, жизнь и книги Пола Боулза приобретают особое значение. Почти всю вторую половину XX века он прожил в Марокко. Ни один американский писатель не погружался в арабскую культуру столь долго. Подобно Джозефу Конраду и его герою Марлоу, Боулз совершил путешествие в самое сердце тьмы.

Ален Хиббард

Как все великие путешественники, Пол Боулз создал собственную страну. Хотя в его книгах она находится в Северной Африке или Латинской Америке, подлинное ее место – Тропик Магии. Для Боулза магия – это тайная связь между миром природы и сознанием человека. Отыскать ее можно только интуитивно, поэтому Боулз и провел почти всю свою жизнь, мечтая о ней, в страхе и удивлении, в надежде разгадать шифр, который подарит ему «мудрость и экстаз – а, быть может, и саму смерть».

Гэвин Ламберт

Манеру Боулза узнаешь мгновенно, поскольку она отличается от всего, что нам привычно в литературе. Среди писателей второй половины XX века у Боулза не было соперников.

Гор Видал

Пол Боулз стал символом индивидуализма. Все, что он 61 делал, и все, что отказывался делать, отмечено печатью уникальности.

The New York Times

Каждый рассказ Боулза – это отдельная вселенная, существующая по своим законам. Общее у них одно – inferнальная экспрессия, способная любое обыденное описание превратить в языческую мистерию. Ты словно оказываешься в мире, реальность которого размыта, смазана – будто четкую фотографию расцарапали ножом и облили соляной кислотой. Тут нет ни яви, ни сна. Тебя засасывает в воронку. Тебе страшно, очень страшно, но одновременно ты чувствуешь, что оторваться от книги невозможно.

Time Out

Даже неопытные читатели быстро начинают ощущать в работах Боулза ту бездну, над которой должна быть натянута страховочная сетка, и с ужасом ждут начала представления под самым куполом. Ужас – такова плата за вход в мир Боулза.

Тэд Френд

ГАЙ ДАВЕНПОРТ
СОБАКА ПЕРГОЛЕЗИ

Гай Давенпорт (1927–2005) считал, что главная задача критика – связывать, т. е. радовать, наставлять и просвещать. В первый на русском языке сборник эссе одного из лучших американских писателей вошли тексты о Витгенштейне, Челищеве, Кафке, Раскине, Набокове, Эдгаре По, секретах застольных манер, искусстве собирать индейские стрелы и таинственной собаке Перголези.

ГАБРИЭЛЬ ВИТТКОП
ВЕЧНЫЙ АЛЬМАНАХ ГАРПИЙ

Изящная книжечка знаменитой французской писательницы Габриэль Витткоп (1920–2002) посвящена гарпиям – мифическим и реальным. Это иллюстрированный рассказ об их происхождении, повадках, обычаях, метаморфозах и судьбах. Гарпии вездесущи и всегда настороже, так что нам от них не ускользнуть. Они родственны бородатым сиренам, богиням-змеям, изрыгающим большие реки, божествам хтонических глубин. Если вам снится, что вы едите печень гарпии, вы скоро умрете.

УИЛЬЯМ БЕРРОУЗ
БЛЭЙДРАННЕР

Вряд ли у кинематографа когда-нибудь появятся возможности воплотить на экране кинопрозу Берроуза. Ведь никакие, даже самые необыкновенные спецэффекты не смогут передать ту гамму эмоциональных, ви-

зуальных, обонятельных и осязательных впечатлений, которые воплощают глубокие, как Вселенная, тексты Берроуза. Но если вы все-таки захотите «посмотреть» такое кино с оргиями в гигантском лепрозории, вам придется наплевать на закон, отправившись вместе с У. Б. в неконтролируемый волнительный трип.

ХАНС ХЕННИ ЯНН
ЭТО НАСТИГНЕТ КАЖДОГО

На сына копенгагенского судовладельца нападает банда подростков, которые хотят линчевать свою жертву. Но на помощь приходит сын проститутки, он вызволяет Матье, и тот в знак дружбы дарит ему свой палец... За историей любви принца и нищего следят их двойники – ангелы, спустившиеся на землю. Янн сделал с немецким языком то же самое, что Джеймс Джойс с английским – разрушил его и заново собрал.

АЛЬФРЕД ЧЕСТЕР
КОЛЕСНИЦА ПЛОТИ

Баронесса Карла Арвон, прекрасная парижанка с ледяными волосами, покидает своего возлюбленного и исчезает на много лет. Ее труп находят в номере дешевой гостиницы. Как баронесса провела последние годы своей жизни? Кого она навещала каждую ночь? Отчего она умерла? Ответы на эти вопросы предстоит узнать ее другу Говарду Каннингему и читателю этой книги, который заодно получит рецепт, как заниматься любовью стоя на голове.

Книги издательств «Митин Журнал»

и «KOLONNA PUBLICATIONS»

можно приобрести в Москве:

«Фаланстер» Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27

«Москва» ул. Тверская, д. 8

«Dodo Space» Рождественский бульвар, д. 10/7

«Гилея» Нахимовский пр-т, д. 51/21

«Молодая гвардия» ул. Б. Полянка, д. 28

«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, д. 8

«Библиоглобус» Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5

«Индиго» ул. Петровка, д. 17, стр. 2

«Проект ОГИ» Потаповский пер. д. 8/12, стр. 2

«Клуб 36, 6» Рязанский пер., д. 3

в Петербурге:

«Петербургский Дом книги» Невский пр., д. 28

«Индиго» Невский пр., д. 32-34

«Порядок слов» наб. Фонтанки, д. 15

ДК им. Крупской, стенд фирмы «Ретро»

через Интернет:

«Ozon» ozon.ru

«Esterum» esterum.ru

«Petropol» petropol.com

«Болеро» bolero.ru

«Чакона» chaconne.ru

«Международная книга» mkniga.ru

«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

на Украине:

«Либра» librabook.com.ua

По вопросу оптовых продаж

обращаться в ооо «БЕРРОУНЗ», тел. (495) 971-47-92

Все книги нашего издательства можно заказать

наложенным платежом в редакции на сайте kolonna.org

Пол Боулз ЗНАКИ ВО ВРЕМЕНИ

KOLONNA PUBLICATIONS. Россия, Тверь, улица Л. Базановой, 20

Подписано в печать 22. 05. 2010. Тираж 500 экз. Заказ № 394

Формат 70 × 100/32. Объем 2 п.л. Гарнитура ГТС СНАРТЕР

Подготовлено на оборудовании APPLE MACINTOSH

Отпечатано в ооо «Осташковская Типография»

172750, Россия, Тверская обл., г. Осташков, ул. Володарского, 33